

Сергей ОСТАШКО

А был ли мальчик?

"Нештатному корреспонденту "Вечерней Одессы" ОСТАШКО С.А. поручается собирать для публикации материал по жалобам трудящихся, присланным в редакцию".

И все вроде бы шло к тому, что через какое-то время меня возьмут в штат. Но тут случилось одна неприятность.

Она началась с письма в редакцию педколлектива одной школы, а закончилась моей статьей.

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПИСЬМА

"Большую работу проводит родительская общественность нашей школы среди родителей учащихся. Особое внимание уделяется семьям, в которых со стороны родителей отсутствует контроль над учебной и поведенческой деятельностью детей. Такие родители вызываются на заседание совета отцов, совета общешкольной родительской комиссии, их посещают на дому, и это дает положительные результаты.

Однако бывают случаи, когда родители не прислушиваются к сигналам педагогов и общешкольной комиссии.

В нашей школе учится Игорь К., который систематически не выполняет домашние задания, а родители не контролируют его учебу и поведение в школе. Попытки классного руководителя пригласить их в школу для беседы были безрезультатными. Когда же она сама пришла к ним, ее в дом не пустили.

Отец Игоря не явился на заседание совета отцов, а когда после заседания члены совета, классный руководитель и завуч школы пытались поговорить с ним дома, он заявил: "Вы в комнатах напачкаете, кто за вами убирать будет?" Группа отцов и педагогов с чувством стыда и горечи вынуждена была уйти обратно.

Кто он, этот отец?

Это человек с высшим юридическим образованием. Работает адвокатом в юридической консультации".

Школа встретила меня стенгазетой, обливающей героя моей будущей статьи. В центре ватманского листа помещалась шарж на Игоря (к слову сказать, достаточно симпатичный, было видно, что художник не разделяет точку зрения школьной администрации), а по бокам от шаржа мелким почерком располагались все прегрешения оригинала. И сразу вспомнилась другая стенгазета — из кинофильма "Бриллиантовая рука": "Позор пьянице и дебоширу Горбункову С.С."

— Что это вы здесь вычитываете? — раздался бдительный голос учительницы. — Ах, вы из газеты? По письму? Тогда пройдемте в учительскую. Там мы вам все про него расскажем.

КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

С Галиной Евгеньевной, преподавателем швейного дела и обслуживающего труда, мы встретились на пришкольном участке.

— Игорь, — сказала она, — парень, в общем-то, неплохой, грамотный, начитанный, но ужасно неорганизованный. Очень много пропускает и по болезни, и просто так. Учится он слабо, хотя нельзя сказать, что бездарен: есть способности к рисованию, литературе...

— Это вы об Игоре? — вмешивается учительница математики. — Бездельник высшей марки. Домашних заданий не выполняет, дневник не дает. Не учится и не желает, хотя мог бы.

Галина Евгеньевна ведет класс Игоря вторым годом.

— Представляете, за эти два года у меня было всего две встречи с матерью и одна встреча с отцом. Родители не были ни на одном собрании, да и вообще в школу не приходят даже по вызову. Я несколько раз ходила к ним, но никто даже не открыл калитку, — жалуются преподаватели.

Постепенно выясняется, что долго в школе не знали, где работает отец.

— Игорь не говорит, а попасть в дом невозможно.

И Галина Евгеньевна рассказывает, как почти весь совет отцов, завуч и она сама промозглым вечером встретились с отцом, который, стоя на пороге собственного дома и демонстративно загораживая дверь, говорил: "Я же сказал: не пушу".

Вот тогда и догадался кто-то из отцов спросить у хозяйки адрес и номер телефона его работы. Через работу и вызвали отца в школу.

ОТЕЦ

Передо мной сидит немолодой представительный мужчина с проседью и, тщательно подбирая слова, рассказывает о сыне.

— Ребенок воспитывался правильно. Ему были предоставлены все возможности для

развития. У него все есть. Мы выписываем много периодики, подписных изданий. Некоторые газеты и журналы выписываются специально для него. Недавно я купил ему велосипед, чтобы он развивался физически.

Мы с ним много беседуем, и Игорь любит поговорить, порассуждать. Я рассказываю ему о прошлом, внушаю, что такое труд, а Игорь внимательно слушает и воспринимает. Говорит отец, как все юристы, легко, красиво.

— У Игоря нет такого, чтобы словить где-то, схитрить. Иногда ребята ездят в трамвае без билета, а Игорь — никогда. Наоборот, часто даже взрослым напоминает. Дома он мальчик послушный, помогает матери, любит сестренку. Недавно лежал в больнице — упал с яблони — и даже там, когда начал поправляться, старался помогать. Медсестра его хвалила.

Дружит Игорь с хорошими ребятами. Раньше, правда, ходил к нему один мальчик, но теперь не ходит. Жена сказала, что он плохой, а остальные его друзья — соседские дети из приличных семей. Бывает, конечно, что мальчишки поспорят, то, другое, но на то они и мальчишки.

Наш разговор происходит в кабинете заместителя директора, и учителя время от времени переглядываются.

В том, что произошло с советом отцов, мой собеседник особой своей вины не видит. Он тогда только пришел с работы, устал, а уже было темно и грязно, и когда к нему постучалось много незнакомых людей, он просто не видел необходимости впускать их в чистый дом. Конечно, когда он узнал, что те из школы, он "хотел провести их в другое помещение, но они почему-то повернулись и ушли".

— Мое упущение как отца в том, — говорит он, — что я не посещал школу, не контролировал Игоря, и он попал под сильное влияние жены. Мать любит его и балует, а это обычно приводит к плохим результатам.

Я интересуюсь, сколько времени Игорь обычно проводит за уроками. Этот простой вопрос вызывает у Петра Ивановича замешательство:

— Я вообще-то домой прихожу поздно, часто в командировках, но думаю, что часа три в день.

При последней фразе заместитель директора школы с сомнением качает головой и просит слова.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА

— Я внимательно слушала, что говорил отец Игоря, и пришла к выводу, что папа абсолютно не знает своего ребенка. Да если бы он три часа в день занимался, он бы отличником был. И причина того, что мальчик плохо учится, прежде всего, в безразличии родителей. Сын приходит в школу без галстука, с какой-то холщевой торбой вместо портфеля, зачастую в помятой и неопрятной одежде. У него даже нет школьной формы. Почти месяц он ходил без дневника, а родители не знали об этом. И старшая девочка окончила школу только потому, что учителя изо всех сил ее тащили".

А "частые беседы о прошлом" — это высокие слова и не больше. Я несколько раз видела Игоря заплаканным. На мои вопросы он отвечал, что плохо дома, и со сдвинутыми риданиями изливал свои чувства.

Адвокат молча выслушал это обвинительное заключение и не стал спорить:

— Все правильно, вам виднее, но я всего этого не знал.

Признаюсь, мне очень хотелось напомнить юристу популярную фразу, которую очень любят повторять хорошие юристы из плохих детективных романов — "Незнание не освобождает от ответственности".

МАТЬ

Она встретила меня настороженно и сначала на все вопросы отвечала коротко и односложно.

— Ребенок как ребенок. Любит читать, купаться в море, ловить рыбу, возиться с собакой, велосипедом. Послушный мальчик. Если к нему по-хорошему, добыешься больше, чем если кричать.

Дом, в который не пустили совет отцов, большой, добротный за высоким глухим забором и железной калиткой. Мы сидим в большой просторной комнате, обставленной современной мебелью. Много книг. На столе, где обычно занимается Игорь, — учебники вперемежку с различными книгами и журналами, в основном "Вокруг света", "Техника — молодежи" и т. д.

— Контролировать, говорить? Но я же не буду считать, сколько задач он сделал и сколько предложений перевел. А устные

уроки он не хочет учить. Да и времени у меня мало, чтобы с ним заниматься.

Мать Игоря работает медсестрой. Сутки на работе, трое дома.

— Это не все время так. Приходится работать и через день, и ночами. По-разному бывает, — объясняет она.

Разговорившись, мать рассказывает, откуда, по ее мнению, пошел конфликт между школой и родителями.

— Игорь учился тогда в третьем классе, а у нас по соседству жил мальчик Сергей из той же школы, из девятого класса. И этот Сергей повадился бить Игоря. Как выйдет Игорь на улицу — так возвращается весь избитый, бю с синяками, в крови. Я пожаловалась в школу — не помогло, дошла до района, и, наверное, директору пошло, потому что он вызвал меня и стал ругать за то, что я пожаловалась в район. Правда, кричать на себя я ему долго не дала, у меня тоже есть голос. Я не такая мать, которая юлит, подлизывается, обивает пороги в школе и задаривает учителей, чтобы сыночку или дочке ставили хорошие оценки.

ИГОРЬ

Живой, озорной взгляд, умные, слегка испуганные глаза, шапка непокорных волос и крепкие исцарапанные ручки.

В первый раз я увидела Игоря почти мельком в учительской, когда отец в присутствии учителей отчитывал его.

— Как ты мог грубить учителю, тем более учителю-мужчине? ("А женщине?" — хотел спросить я, но как-то не успел.)

Вторая наша встреча была дома. Пока мы говорили с матерью, он во дворе с увлечением копался в своем велосипеде, что-то подкручивал, смазывал, протирал тряпочкой. Потом боязливо вошел в комнату и осторожно присел на диване.

Постепенно мы разговорились.

— Не люблю ходить в школу, — сказал он. — Неинтересно там.

— Но есть хоть какой-то предмет, который тебе по душе?

Игорь долго молчал, как бы взвешивая, а потом абсолютно серьезно ответил:

— Нет, ни одного. Вообще мне немного нравится биология, но не то, чему учат в школе. А английский и математику я не люблю и не знаю совсем.

— А может, если знаешь, полюбишь?

Он смотрит на меня с таким сомнением, что вопрос сразу становится риторическим.

Зато когда разговор переключается на его увлечения, сразу веселеет.

— Сейчас я радио ломаю и, кажется, понял, почему оно не работает, — гордо говорит он.

— Ты еще расскажи, как ты вечный двигатель изобрел, — смеется сестра.

Игорь смущается:

— Да ну, это давно было.

Давно — это в прошлом году. Провозившись две недели и исчертив кипу бумаги, он придумал нечто вроде электромотоцикла с автоматическим подзарядкой аккумуляторов. Как ни странно, в этом "вечном двигателе" было рациональное зерно. Примерно так и ответили ему из редакции "Техника — молодежи", куда он послал свой проект.

— Хочу быть моряком, — задумчиво говорит он и добавляет:

— Если получится.

И мне почему-то не хочется произносить высоких фраз о том, что для этого нужно хорошо учиться в школе. Они наверняка ему надоели.

Видимо, в благодарности за мои "ненравучения" Игорь вызвался меня проводить, и когда мы ушли от дома на порядочное расстояние, вдруг сказал:

— А еще я песни пишу. Хотите послушать?

Было видно, что об этой его сокровенной ипостаси не знают ни мать, ни сестра, ни даже учительница пения, которая, нужно справедливости ради отметить, была единственной, кто не ругал мальчика. Правда — в присутствии завуча — и не защищала его.

— Конечно, хочешь!

И когда Игорь запел, я буквально обалдел: Когда Фонтан черемухой накрылся, Хотя она здесь, зуб даю, и не цвела. Мальчишка неожиданно влюбился.

Ну а она его на дух не пренесла.

Да, это была чисто дворовая хулиганская песня. Да, написанная с точки зрения 12-летнего влюбившегося пацана. Да, содержащая некоторые слова, которые 12-летнему ребенку знать вроде и не положено (хотя как же их не знать, если ты живешь в частном секторе на Большом Фонтане?). Но! Это был настоящий большефонтанский городской романс. С вполне сносными рифмами, завязкой, кульминацией, развязкой. И самое главное — с оригинальным сюжетом, который я до этого момента не слышал.

— Вам правда понравилось? — спросил

пацан, когда я выразил свое мнение. — Тогда я вам еще спою.

И пел, пока не подошел мой трамвай.

КАКИМ ОН БУДЕТ

Школа винит родителей, родители винят школу. И стоят друг против друга эти две противоборствующие силы, а между ними — человек, еще не сформировавшийся, маленький, но человек. Сегодня он может соорудить ракету, которая взлетит выше, чем ракеты всех соседских ребят, а завтра — получить двойку по контрольной на четыре действия арифметики; сегодня может отнять у здорового верзилы котенка, которого тот мучает, а завтра — побить первоклассника, который не уступил ему дорогу. Он может вырасти крупным ученым или мелким жуликом, всенародно любимым поэтом-песенником или широко известным в узких кругах автором блатного фольклора, может стать капитаном океанского лайнера или спекулянтом. Каким он будет, решается сейчас.

Сергей Осташко,
младший научный сотрудник.

P. S. Этот материал вызвал в газете неоднозначную реакцию. Тогдашний заведом городской жизни Ирочка Пустовыта, которая меня курировала, хоть и подпала материал, но все же решила вынести его на редакционную коллегию. Как сейчас помню те 50 минут, которые я в Ирином кабинете ждал решения судьбы моего материала. Помню виноватое лицо вернувшейся с луточки Иры.

— Окончательное решение принял редактор, но если бы большинство высказались "за", твою статью обязательно бы напечатали.

Домой я возвращался пешком, и за полтора-два часа путешествия через весь город я сформулировал свое окончательное решение:

"Если уж такой демократ, как Борис Федорович Деревянко, не рискнул пойти против половины редакции, то мне в советской журналистике делать нечего!"

И с головой ушел в науку.

А вернулся из нее обратно в журналистику только в конце перестроечных 80-х, когда в стране повеял ветер перемен.

Неожиданное продолжение через 40 лет

Закончив эссе, я показал его старшему коллеге, который в описанные годы работал в "Вечерке", и он раскритиковал меня по факту:

— Это просто Ира щадила твою самолюбие. Борис Федорович всегда принимал все решения сам. Вот если бы ты узнал, как дальше сложилась судьба этого Игоря: стал он капитаном дальнего плавания или покотился по кривой дорожке, — вот тогда это была бы достойная концовка твоего материала.

"Кого искать? Когда? Через столько лет?" — подумал я, повесив трубку, и забросил статью. Но когда утихла морозы и стоял гололед, я решил все же попробовать и поехал на Фонтан.

К сожалению, я оказался прав. За 40 лет в школе сменились учителя, и о "возмутителе школьного спокойствия" по имени Игорь, а тем более о факте обращения педколлектива в редакцию газеты никто не помнил.

"Да, не получилась концовка материала", — думал я, возвращаясь на трамвае в город. И задумался настолько сильно, что первоначально не обратил внимания на вошедшего с передней площадки трамвайного музыканта. Да и, в общем-то, не на что было обращать внимание. Обтерханные брюки, лоснящийся на рукавах свитер, утерявший первоначальный цвет шарф вокруг шеи и выдававшая еще фронтальные дорожки гармошка "а-ля Василий Теркин".

Пропустил я мимо ушей и традиционный монолог: "Сами мы не местные..." и жалостную песню "Раскинулось море широко", под которую собирались деньги с жалостливых пассажиров, и еще одну песню, уже не помню, какую... А вот услышал я, только когда услышал с задней площадки что-то знакомое: "Мальчишка неожиданно влюбился. А она его на дух не пренесла". "Не может быть! Такого совпадения просто не может быть", — рванул я к задней дверце, но куда там: "Осторожно, двери закрываются, следующая станция — Пятая..."

Я, конечно, выскочил на Пятой, дождался следующего трамвая, потом еще следующего, потом еще... Увы. Нежданная концовка моего материала канула в лету.

Потом я несколько раз специально ездил на Фонтан, но встретит певца мне так и не удалось.

И, в очередной раз возвращаясь в город, я подумал: "А был ли мальчик?" Не тот, 12-летний пацан, которого просмотрели учителя и родители и у которого, тем не менее, было все впереди, а этот 52-летний оборванец с гармошкой, у которого все было уже позади. Или он мне просто почудился в переполненном 18-м трамвае на перегоне Девятая — Шестая станция Большого Фонтана?